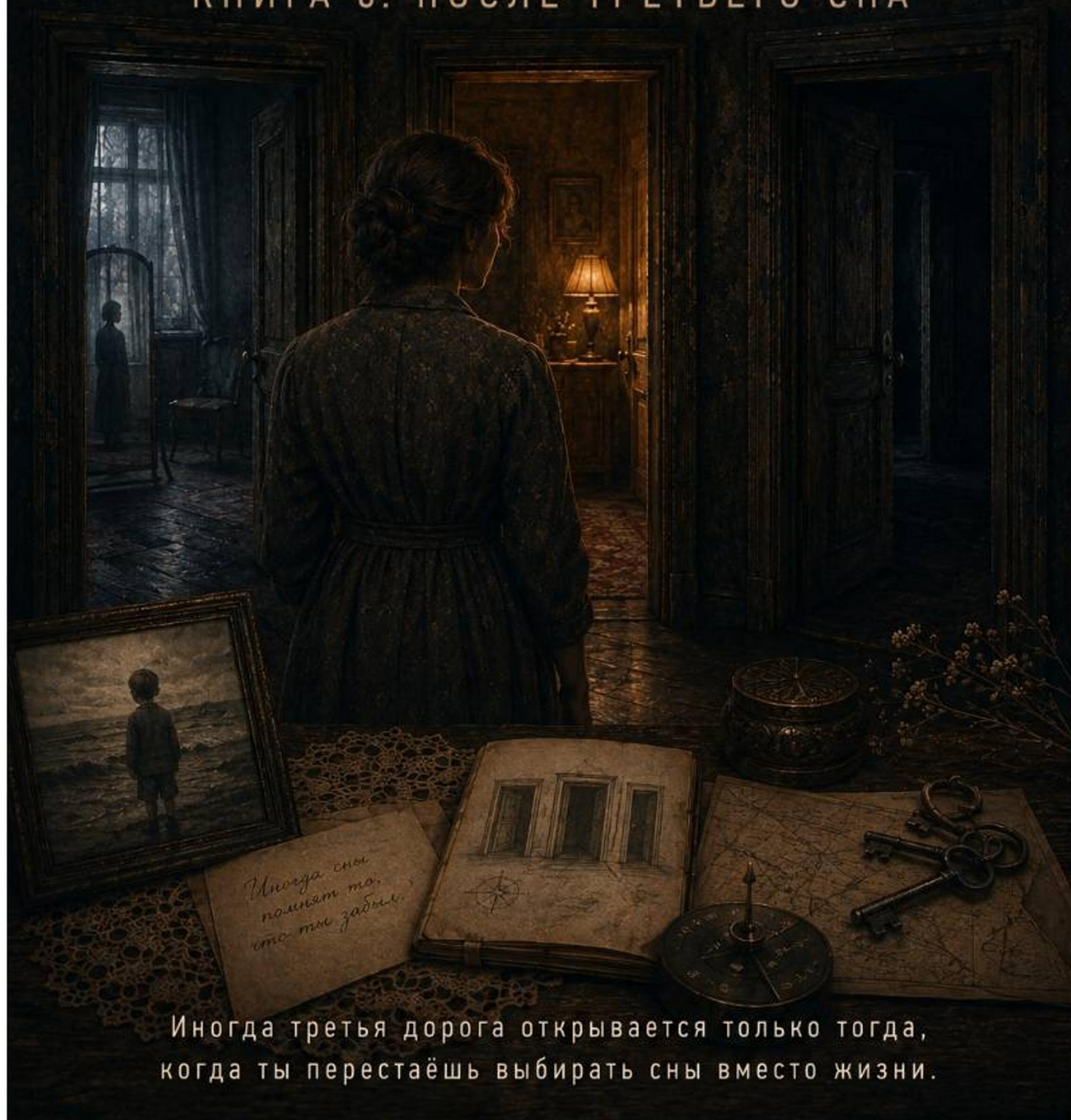

СЕРГЕЙ ЛАНГ

ТЕ, КТО РЯДОМ

КНИГА 6. ПОСЛЕ ТРЕТЬЕГО СНА

Иногда третья дорога открывается только тогда,
когда ты перестаёшь выбирать сны вместо жизни.

Сергей Ланг
После третьего сна

«Автор»

2026

Ланг С.

После третьего сна / С. Ланг — «Автор», 2026

Юлия привыкла думать, что выбор остаётся в прошлом. Одна дорога - налево, другая - направо, третья так и не случилась. Но после трёх одинаковых снов в её квартире начинают появляться следы жизней, которых у неё не было: чужой билет, старый шрам, сообщение от человека, который его не писал, и воспоминание о ребёнке у холодного моря. Надежда знает: соседние дороги не открываются просто так. Они не дают человеку исправить жизнь поудобнее. Они показывают цену отказа выбирать. Чтобы выйти из коридора чужих возможностей, Юлии придётся сделать не идеальный, не безопасный и не подтверждённый знаками шаг - свой.

Сергей Ланг

После третьего сна

Глава 1. Три стороны одной комнаты

В первый раз Юлия проснулась от запаха чужого кофе.

Кофе был крепкий, пережжённый, с той горечью, которую она не любила с университета, когда в буфете его наливали из огромного термоса, и сахар не растворялся до конца, оседая на дне стакана мутной сладкой кашей. У Юлии дома такого кофе не было. Она покупала в зёрнах мягкую смесь с ореховым запахом, молола по утрам ровно на две чашки, первую выпивала на кухне, вторую ставила рядом с ноутбуком и почти всегда забывала. К вечеру в чашке оставалось тёмное кольцо, похожее на засохшую отметку времени.

Теперь кофе стоял на тумбочке возле кровати. Чашка была не её: тонкий белый фарфор с синим облупленным кантом, слишком старомодный для её квартиры, слишком лёгкий для руки. От чашки шёл пар. За окном было серое московское утро, конец ноября, грязный снег на крышах гаражей, мокрые пятна на стекле, и в комнате горела лампа, которую она точно не включала.

Юлия лежала неподвижно и слушала, как за стеной включили воду. Соседка сверху опять рано стирала что-то тяжёлое; машинка прыгала, дом принимал эти удары всем старым телом. Всё было знакомо. Диван, шкаф, комод, стопка книг на полу, шерстяные носки у батарее. Только чашка была лишней.

Она поднялась медленно. После сна тело было ватным, будто кто-то вытащил из него кости и потом вложил обратно наспех. В горле стоял привкус соли. Не морской, не пищевой, а тот, который появляется после слёз, когда уже не помнишь, плакал ли на самом деле.

Чашка оказалась горячей. Юлия отёрнула пальцы и сказала вслух:

— Ну нет.

Голос прозвучал чужим, низковатым, хриплым. Она кашлянула, потрогала шею, посмотрела на дверной проём. Никого. Квартира жила обычной утренней жизнью: холодильник ворчал, труба под раковиной щёлкнула от горячей воды, в коридоре тускло светился роутер. На полу возле кровати лежала её футболка, та самая, в которой она заснула. Рядом - тёмно-синее платье.

Платье было простое, почти офисное, но с хорошей тканью, тяжёлой, мягко падающей. Юлия такого не покупала. Она перестала носить платья лет семь назад, когда научилась выбирать одежду так, чтобы утром не думать о теле. Джинсы, свитер, куртка, кроссовки. Летом - хлопковая рубашка. Никаких силуэтов, никаких тканей, которые требуют присутствия.

Она тронула платье двумя пальцами. Ткань была тёплой, как снятая с человека.

Телефон на подушке показал 7:18 и три пропущенных от матери. Мать звонила обычно после девяти, когда уже успевала придумать причину, почему звонит будто бы по делу. В семь восемнадцать она могла позвонить только из страха или из обиды, причём страх почти всегда говорил голосом обиды.

Юлия открыла сообщения. Первым было от неизвестного номера:

“Ты опять выбрала правую”.

Она долго смотрела на строку, пока экран не погас. Потом включила снова. Сообщение осталось. Номер начинался на петербургский код, хотя в Петербурге у неё почти никого не осталось, кроме одной однокурсницы, с которой они писали друг другу раз в год на дни рождения и уже давно не знали, что сказать после “как ты”.

Юлия поставила чашку на подоконник. Кофе дрогнул, но не пролился. Во сне тоже была развилка. Она помнила не сам сон, а его форму: длинный коридор, три выхода, сырой запах подъезда, лестница вниз и чьи-то пальцы на её плече. Голос говорил без нажима, почти устало:

“Направо”. И она почему-то повернула. Не потому что хотела. Потому что так было легче. Право всегда казалось ей движением, левое - возвращением, середина - стыдом стоять на месте.

В ванной зеркало запотело изнутри, хотя вода ещё не текла. На стекле проступила линия, будто кто-то провёл пальцем с той стороны: короткая, косая. Потом вторая. Потом третья. Не буквы. Три дверных щели.

Юлия включила холодную воду и смыла пар ладонью. Зеркало вернуло её лицо - бледное, с вмятиной от подушки на щеке, с короткими русыми волосами, собранными кое-как, с глазами человека, который слишком много лет объяснял себе усталость работой. Она была переводчицей с английского и немецкого, последние годы работала в бюро локализации, переводила интерфейсы, инструкции, юридические оговорки, письма служб поддержки. Её работа состояла в том, чтобы чужие слова звучали так, будто сразу родились на другом языке. Иногда ей казалось, что и собственная жизнь переведена с какого-то исходника, который она потеряла.

На кухне она открыла ноутбук. Рабочий чат уже мигал. Менеджер прислала срочный файл, клиент хотел “более человеческий тон”, но без изменения смысла, срок вчера, оплата в конце месяца. Юлия машинально написала “приняла”, потом стёрла. Написала “сделаю к двенадцати”. Отправила. Это была её привычная утренняя капитуляция: сначала согласиться, потом понять, как пережить.

Мать позвонила снова, когда Юлия уже выливала чужой кофе в раковину. Кофе не стекал сразу, тянулся тёмной полосой по белой эмали, оставляя запах чужого утра.

— Юль, ты дома? — спросила мать без приветствия.

— Дома. Что случилось?

— Ничего. Просто сон неприятный был.

Юлия закрыла кран.

— Какой?

Мать помолчала. В этой паузе было слышно, как она стоит у себя на кухне, наверняка в халате, возле окна, глядит на двор и делает вид, что звонит не потому, что испугалась.

— Ты уезжала, — сказала она. — Опять. Только я не понимала куда. Стоишь в коридоре, у тебя три двери, и ты всё выбираешь не ту. Я тебе кричу, а ты как будто не слышишь. Потом открываешь правую, и там...

— Что там?

— Не знаю. Не помню. Просто стало так пусто, будто я тебя уже потеряла.

Юлия посмотрела на раковину. На дне осталась кофейная гуща, хотя кофе был без гущи. Три маленьких тёмных комка легли почти ровно, как точки перед дверями.

— Мам, это просто сон.

— Я знаю, — быстро сказала мать. — Я же не сумасшедшая. Просто позвонила. Ты сегодня никуда не ездил. Ладно?

Юлия хотела ответить обычное: “мам, мне сорок два, не начинай”. Но почему-то сказала:

— Мне тридцать четыре.

— Что?

— Ничего. Я дома.

Она закончила разговор и осталась стоять у раковины. Ей было тридцать четыре. Сорок два сказала не она. Мысль пришла готовой, как чужая фраза в переводе, которую вставили не туда.

В прихожей щёлкнул замок.

Юлия медленно повернулась. Дверь была закрыта. Цепочка висела на месте. На коврике лежал конверт без марки и адреса, только её имя - “Юлия” - написанное серыми чернилами. Почерк был неровный, старческий, но уверенный. Ни фамилии, ни квартиры. Просто имя, словно тот, кто писал, не сомневался, что имя само найдёт дверь.

Она не подняла конверт сразу. Сначала обулась, открыла дверь и выглянула на лестничную площадку. Пусто. Лампочка над лифтом мигнула и погасла. На соседской двери висело объявление о замене труб, оторванное наполовину. Внизу кто-то кашлянул, потом хлопнула подъездная дверь.

Конверт пах не бумагой, а мокрым деревом. Внутри была фотография. Юлия сидела на скамейке возле моря, в том самом синем платье. Волосы у неё были длинные, по плечам, лицо спокойнее, старше. На обороте стояла дата: 12 апреля 2034 года.

До этой даты оставалось почти восемь лет.

Под датой была приписка тем же серым почерком:

“После третьего сна не стой посередине”.

Юлия села на пол прямо в прихожей. Пол был холодный, под линолеумом проходил сквозняк из щели у двери. Фотография лежала у неё на коленях, и женщина на ней смотрела не в объектив, а куда-то в сторону, за кадр, будто знала: сейчас её увидит та, которая ещё не дошла.

Телефон снова зазвонил. На экране высветился неизвестный петербургский номер. Юлия не ответила.

Звонок оборвался сам. Через секунду пришло сообщение:

“Второй сон будет слева”.

Юлия закрыла глаза. В темноте за веками на мгновение проступил коридор. Три выхода. Правая дверь была приоткрыта, и оттуда тянуло горьким кофе. Левая молчала. Средняя ждала, как ждут те места, куда человек возвращается только тогда, когда устал выбирать чужие причины.

Она открыла глаза и впервые за много месяцев не включила рабочий файл.

Глава 2. Левая дверь

Второй сон пришёл не ночью, а днём.

Юлия сидела за рабочим столом, переводила инструкцию к банковскому приложению и пыталась подобрать слово к английскому “recovery”, чтобы оно не звучало ни как “восстановление”, ни как “возвращение”. Клиент хотел мягче. Менеджер писала в чат: “нам бы без тревожности, но чтобы пользователь понял риск”. Юлия смотрела на фразу “recovery phrase” и не могла понять, почему от неё дрожат пальцы. Фраза восстановления. Фраза, которая возвращает доступ. Фраза, без которой всё твоё остаётся где-то рядом, но уже не открывается.

Она написала “ключевая фраза”, потом стёрла. Написала “резервная фраза”. Стёрла и это. На третьей попытке вместо перевода набрала: “ты не потеряла. ты не выбрала”.

Слова появились в документе сами, без заглавной буквы, тихие, почти служебные. Юлия отёрнула руки от клавиатуры. На экране мигал курсор. В комнате было светло, за окном дворник скрёб лопатой мокрый снег. Соседский ребёнок за стеной учил гаммы, одна и та же нота возвращалась с тупым терпением. Всё было слишком обычным, чтобы случившееся могло быть красивой мистикой. Оно было похоже на сбой программы, только сбой смотрел на неё изнутри.

Она поднялась, дошла до кухни, налила воды. стакан оказался не в той руке. Левая ладонь держала его уверенно, правая висела вдоль тела, как забытая. Юлия была правой. Лево́й она могла только придержать тарелку или нащупать выключатель в темноте. Теперь пальцы левой руки двигались точнее, чем надо: повернули стакан, коснулись ободка, будто проверили скол, которого не было.

На запястье проступил тонкий белый след. Шрам. Маленький, старый, почти незаметный, похожий на след от браслета, впившегося в кожу. Утром его не было. Юлия знала своё тело слишком хорошо: родинка на ключице, синяк на бедре от угла стола, сухая кожа на локтях, маленький ожог возле большого пальца. Этого шрама не было.

Телефон завибрировал. Сообщение от матери:

“Ты точно дома?”

Юлия набрала: “да”. Посмотрела на слово и не отправила. В голове всплыло другое: “нет, я там, где не была”. Она удалила текст, бросила телефон на стол и пошла к шкафу.

Синее платье висело на дверце, хотя утром она спрятала его в пакет и вынесла на балкон. Пакет лежал там же, завязанный. Пустой.

Юлия вдруг разозлилась. Злость оказалась чистой, почти полезной, как холодный воздух после духоты. Она сняла платье с дверцы, скомкала, швырнула на пол и сказала:

— Не буду.

Дом не ответил. Ничего не дрогнуло, не погасло, не зашептало. Только слева, со стороны окна, послышался короткий стук. Один. Потом второй. Потом третий.

На подоконнике лежала ракушка.

Она была маленькая, серая, плоская, в белых полосках. Такие привозят с холодного моря не как сувенир, а потому что рука сама поднимает с берега гладкую вещь, которую вода долго переворачивала, пока та не перестала сопротивляться. Юлия не была на море четыре года. Последний раз - в Калининградской области, с Кириллом, который тогда ещё не стал бывшим, а только начинал собирать вокруг себя молчание. Они жили в гостевом доме, ссорились из-за ерунды, ходили к воде в куртках. В тот отпуск она впервые подумала, что могла бы уехать одна. Не от Кирилла. От себя той, которая всё время ждала чужого решения.

Ракушка была влажной.

Сон накрыл её у окна. Не как сон, а как резкое изменение глубины: двор остался на месте, снег, машины, детская площадка, но за ним проступил коридор. Левая дверь была открыта. За ней шумело море. Не летнее, не открытка, а серое, тяжёлое, с холодной пеной, с песком, который липнет к ботинкам и потом сыплется дома из карманов. Юлия стояла на берегу в чужой тёплой куртке и держала за руку мальчика лет пяти.

Мальчик был сердитый. Волосы торчали из-под шапки, нос покраснел, варежка на одной руке съехала. Он тянул её к воде и говорил:

— Мам, смотри, корабль.

Юлия проснулась стоя. стакан выпал из левой руки и разбился на кухонной плитке. Вода растеклась под стол, осколки блестели возле тапок. Сердце колотилось так, будто она бежала. На языке стояло слово “Матвей”.

Она медленно опустилась на корточки и начала собирать стекло. Правая рука дрожала, левая была спокойной. На запястье белел шрам. В голове оставалось чувство маленькой ладони. Не воспоминание, не фантазия, а телесная пустота после того, как руку отпустили.

Кирилл позвонил вечером.

Они не разговаривали почти полгода после того, как он забрал последние книги, оставил ключи на тумбочке и сказал: “Ты всё время живёшь как будто в скобках”. Тогда Юлия обиделась на эту фразу больше, чем на сам уход. Скобки казались ей защитой. Внутри скобок можно было переждать, не ставя точку.

— Привет, — сказал Кирилл. — Ты сейчас не занята?

— Смотря для чего.

Он коротко выдохнул. В трубке был уличный шум, машины, ветер.

— Мне странная фигня пришла. Я не хотел писать, потому что это выглядит... не знаю. Но там твоё имя.

Юлия закрыла глаза.

— Что пришло?

— Фотография. Бумажная. В почтовом ящике. Ты на берегу. С ребёнком. Сзади подпись: “Левая”.

Она села на пол возле шкафа. Платье лежало рядом, тёмное, смятое, и вдруг показалось ей не чужой одеждой, а кожей той женщины, которая в другой жизни всё-таки дошла до моря.

— Кирилл, — сказала она, стараясь говорить ровно. — У нас мог быть ребёнок? Пауза была такой длинной, что Юлия решила: связь оборвалась.

— Мы же договорились не возвращаться к этому, — сказал он наконец.

— Мы ничего не договаривались. Ты сказал, что сейчас не время. Я сказала, что понимаю. Потом мы год делали вид, что это общий выбор.

Кирилл молчал. Она слышала, как он идёт, как под ногами хрустит мокрый снег.

— Тебе кто-то звонил? — спросил он.

— Нет. То есть да. Не знаю.

— Юля, я сегодня видел мальчика. На Невском. Он стоял у витрины с кораблями и смотрел на меня так, будто знает. Понимаешь? Не похож просто. Именно знает.

Юлия хотела сказать, что это невозможно. Но невозможное за последние сутки стало слишком бытовым: чашка, платье, шрам, фотография, ракушка. Невозможное не сияло, не требовало веры. Оно лежало на подоконнике и пахло мокрым морем.

— Где ты? — спросила она.

— В Петербурге. По работе. Вернее, уже не уверен, что по работе. У меня завтра встреча на Васильевском. А фотография... Юль, она из будущего?

— Не знаю.

— Ты испугалась?

— Да.

Это было первое честное слово за день, и от него стало легче ровно настолько, чтобы не развалиться.

После разговора она долго сидела в темноте. Ноутбук погас, чат замолчал. Мать прислала ещё два сообщения, потом одно голосовое, которое Юлия не открыла. На кухонном столе лежала ракушка, рядом - фотография из первого конверта. Женщина в синем платье возле моря. На второй фотографии, которую прислал Кирилл, мальчик держал её за руку. Лицо ребёнка было размыто, как будто снимок не хотел отдавать его полностью.

Юлия вдруг поняла, что в её жизни слишком много решений выглядели разумными только потому, что за них никто не нес ответственности. Не рожать сейчас. Не увольняться пока. Не уезжать в Петербург, потому что Москва удобнее для работы. Не спорить с матерью, потому что ей тяжело. Не говорить Кириллу, что она хочет другого, потому что он устал. Не выбирать, пока знак не станет идеальным.

Идеальный знак не приходил. Приходили только сроки, счета, чужие письма и усталость.

В полночь на телефон пришло новое сообщение с неизвестного номера:

“Третья дверь не откроется, пока ты спрашиваешь, какая была правильной”.

Юлия долго смотрела на экран. Потом впервые ответила:

“Кто это?”

Сообщение ушло, но галочка осталась одна. Через минуту зазвонил домофон.

Она подошла к трубке. На экране маленькой камеры был пустой подъезд, жёлтый свет, мокрый коврик у двери. Голос в динамике сказал:

— Я не открываю двери. Я просто стою рядом, когда человек перестаёт отворачиваться.

Юлия узнала этот голос, хотя никогда его не слышала. Он был женский, низкий, усталый, с такой сухой мягкостью, от которой не ждёшь утешения и потому начинаешь верить.

— Надежда? — спросила она.

В динамике тихо щёлкнуло.

— Если ты уже знаешь имя, значит, кто-то торопится. Не спускайся ночью. Утром сама придёшь.

— Куда?

— Туда, где письма лежат дольше людей.

Связь оборвалась.

Юлия осталась стоять с трубкой в руке. В отражении тёмного окна за её спиной виднелась комната. На полу лежало синее платье. На столе - ракушка. На подоконнике, где утром стояла чужая чашка, появилась тонкая полоска песка.

Она провела по нему пальцем.

Песок был холодный.

Глава 3. Архив невыбранного

Надежда работала в здании, которое трудно было найти, если знать только адрес.

Дом стоял в переулке за бывшей типографией, за облезлой оградой, рядом с аптекой, где вывеска обещала скидки пенсионерам по средам. В навигаторе точка прыгала с одной стороны квартала на другую, словно сама карта не решалась признать, что здесь есть вход. Юлия приехала к одиннадцати, хотя собиралась к девяти. С утра мать снова звонила, потом прислала сообщение: “Я не понимаю, что с тобой происходит, но ты стала странная”. Юлия прочитала и не ответила. Странность наконец принадлежала ей, и она не хотела сразу отдавать её на материнское объяснение.

Переулок пах сырой штукатуркой, хлебом из маленькой пекарни и старой бумагой. Этот запах был почти невозможен на улице, но Юлия уже перестала удивляться точности совпадений. Возле подъезда курил мужчина в рабочей куртке. Он посмотрел на неё так, будто давно знал, что она придёт, но ему было всё равно.

— К Надежде? — спросил он.

— Да.

— Третий этаж. Лифт не ходит, но он и когда ходит - лучше не надо.

Лестница была широкая, с тёмными деревянными перилами, потёртыми до гладкости. На площадках стояли старые картонные коробки, перевязанные шпагатом, и никто их не трогал. На втором этаже из-за двери доносился женский смех, потом короткое: “Тебя просили?” Юлия остановилась. Фраза прошла по воздуху как знакомый холод. Где-то в этой же серии чужих жизней, подумала она, кто-то уже учился не переступать линию.

Надежда открыла до звонка.

Ей было около шестидесяти, хотя лицо не держалось за возраст: усталость делала его старше, глаза - моложе. Волосы собраны низко, серый свитер, тёмная юбка, на запястье тонкие часы с потёртым ремешком. Никаких камней, шарфов, символов, свечей. В руках у неё была папка с завязками.

— Проходи, Юлия.

— Вы меня видели?

— Сейчас вижу.

Кабинет оказался больше похож на мастерскую реставратора, чем на архив. Большой стол под лампой, стеклянные пресс-пластины, кисти, бумажные ножи, коробки с документами, шкафы с неглубокими ящиками. На стене - старая карта города без подписей улиц. В углу стоял чайник, рядом две чашки. Одна обычная, белая. Другая с синим облупленным кантом.

Юлия не села.

— Это ваша?

Надежда посмотрела на чашку.

— Нет.

— Она была у меня дома.

— Значит, не у тебя одной.

— Вы можете объяснить нормально?

— Могу. Но если начать нормально объяснять, ты начнёшь нормально защищаться.

Садись.

Юлия села на край стула. Стул был деревянный, жёсткий, с потёртым сиденьем. Она сразу подумала о Викторе Ордынцеве, хотя знала его только по короткому газетному материалу, который Надежда когда-то переслала Марине, а та каким-то образом оказалась в общем круге историй. В последнее время чужие имена входили в её жизнь как двери без табличек: Алексей, Марина, Тамара, Инна, Виктор. Люди, которые уже прошли через свои знаки и оставили после себя не ответы, а осторожность.

Надежда положила перед ней фотографию с морем, синее платье, ракушку в маленьком пакете и распечатку сообщения: “Ты опять выбрала правую”.

— Откуда у вас это?

— Ты принесла.

— Я ничего не приносила.

— Руками - нет.

Юлия почувствовала раздражение. Не потому что Надежда говорила загадками. Потому что загадки были слишком точны и не давали привычного места для насмешки.

— Мне нужны факты. Что происходит?

— Ты видишь следы соседних дорог.

— Это метафора?

— Пока да. Потом будет хуже.

Надежда открыла папку. Внутри лежали три листа: копия трудового договора Юлии с бюро, распечатка старого письма Кирилла, которое он так и не отправил, и фотография мальчика у моря. На обороте фотографии стояло имя: Матвей.

Юлия отодвинулась.

— Вы следите за мной?

— Нет. Я собираю то, что само приходит, если человек слишком долго стоит между выборами. Обычно это немного: билет, записка, чужая фраза. У тебя пришло слишком много.

— Почему?

— Потому что ты умеешь переводить.

— Простите?

— Ты всю жизнь занимаешься тем, что переносишь смысл между языками. Тебя легко сделать местом переноса. Между одной дорогой и другой тоже есть язык. Человек обычно слышит его во сне, иногда в болезни, иногда на границе утраты. Ты начала слышать его в быту.

Юлия посмотрела на свои руки. Шрам на левом запястье стал заметнее. Вчера вечером он был белым, теперь чуть розовым, будто кожа помнила свежую боль.

— Этот шрам откуда?

— Из левой ветви.

— Там у меня ребёнок?

Надежда не ответила сразу. Она налила чай. Чай был чёрный, крепкий, без сахара. Поставила перед Юлией белую чашку, себе взяла чашку с синим кантом. Делала это спокойно, как человек, который знает: слишком быстрый ответ может стать той же чужой волей.

— В одной из ветвей - да.

Юлия закрыла глаза. Маленькая ладонь, море, слово “мам”. Внутри поднялось не горе, а такая плотная невозможность, что она не сразу смогла вдохнуть.

— Он существует?

— Для тебя - как след. Для той дороги - как жизнь. Не спрашивай меня, какая из них настоящая. Это ловушка.

— Ловушка?

— Самая сладкая. Человек думает: если где-то я был счастливее, значит, моя нынешняя жизнь ошибка. Но соседняя дорога не доказательство ошибки. Она след выбора.

Юлия тихо рассмеялась. Смех вышел сухой.

— То есть я должна просто посмотреть на ребёнка, которого не родила, и сказать: спасибо за опыт?

— Нет. Ты должна перестать использовать его как суд над собой.

Фраза была жёсткой. Юлия почувствовала, как хочется встать, хлопнуть дверью, сказать, что Надежда ничего не понимает, что это не её жизнь, не её тело, не её пустота. Но стул удержал её не силой, а обычной тяжестью дерева. Она осталась.

— Кирилл видел его тоже.

— Потому что выбор был общим, даже если каждый потом спрятался в свою версию. Он видел мальчика как утрату. Ты - как дорогу, которая могла бы оправдать все остальные решения.

Юлия посмотрела на Надежду.

— А вы кто такая, чтобы так говорить?

— Человек, который однажды решил за другого и потом много лет смотрел, как он живёт спасённым, но не своим.

Надежда сказала это без украшения. В комнате стало тише. Даже чайник перестал щёлкать. Юлия вдруг увидела, что усталость этой женщины не профессия и не возраст. Это след ошибки, которую нельзя исправить, только учитывать при каждом следующем человеке.

— И что мне делать?

— Пока - ничего за прошлое. Сегодня ты должна сделать одно земное действие.

— Какое?

— Позвонить Кириллу и не обсуждать, кто виноват. Спросить, чего он хотел тогда на самом деле. И ответить, чего хотела ты.

— Это не решит...

— Конечно. Но тонкий слой не заменяет действие. Он только делает видимым место, где ты перестала действовать.

Юлия опустила взгляд на папку. На одном из листов была распечатка её старого письма Кириллу. Она узнала первые строки и похолодела. Письмо лежало в черновиках семь лет. Она написала его после того отпуска у моря и не отправила. Там было всего несколько абзацев: “Я хочу ребёнка. Я боюсь, что если скажу это вслух, ты услышишь не меня, а требование. Но я хочу не потому, что пора. Я хочу, потому что рядом с тобой у меня иногда появляется будущее, и я не знаю, куда его девать”.

Она удалила письмо через месяц. Или думала, что удалила.

— Откуда это? — спросила она хрипло.

— Из средней двери.

— Там я отправила?

— Нет. Там ты оставила письмо открытым и ушла. Кирилл прочитал сам. И это тоже было не выбором, а подстановкой.

Юлия провела пальцами по краю листа. Бумага была реальной. Тёплой от лампы. Слишком обычной для доказательства того, что мир устроен шире, чем ей хотелось.

— Третья дверь - это что?

Надежда закрыла папку.

— Та, где ты перестаёшь выбирать между “как было бы” и “как уже нельзя”.

— А если я не хочу?

— Тогда будешь видеть всё больше. Соседние дороги не любят, когда человек превращает их в зеркало для жалости. Они начинают отвечать.

В этот момент телефон Юлии зазвонил. Кирилл. Она смотрела на имя, пока звонок не оборвался. Через секунду пришло сообщение:

“Я нашёл кораблик. Такой же, как у мальчика”.

Надежда устало прикрыла глаза.

— Он уже в левой ветви сильнее, чем нужно. Позвони ему.

— Сейчас?

— Сейчас - это единственное место, где ты можешь что-то сделать.

Юлия взяла телефон. Палец дрогнул над кнопкой вызова. Внутри поднялся старый страх: сейчас разговор станет настоящим, и тогда нельзя будет спрятаться за прошлое, за альтернативную жизнь, за ребёнка, которого нет и который, возможно, где-то смеётся у серого моря. Она нажала вызов.

Кирилл ответил сразу.

— Юлия?

Она вдохнула.

— Скажи мне честно. Тогда, семь лет назад. Ты не хотел ребёнка вообще или не хотел со мной?

В трубке стало тихо. Потом он сказал:

— Я хотел. Я просто испугался, что ты выберешь ребёнка, а меня оставишь как приложение.

Юлия закрыла глаза. В кабинете Надежды пахло чаем, пылью и старой клеевой тканью. На столе лежали три дороги, и ни одна не освобождала её от ответа.

— Я хотела, — сказала она. — Но испугалась, что если буду хотеть вслух, ты уйдёшь раньше.

Надежда встала и отошла к окну. Не слушала, хотя слышала. Умела быть рядом так, чтобы не занимать место выбора.

После разговора Юлия долго держала телефон у уха, даже когда Кирилл уже отключился. Никакой музыки, никакого света, никакого очищения не произошло. Только шрам на запястье побледнел, а ракушка в пакете перестала быть влажной.

— Это всё? — спросила Юлия.

— Нет, — сказала Надежда. — Это первый раз, когда ты не перевела свою правду на удобный язык.

За окном пошёл снег. Крупный, мокрый, редкий. Он ложился на подоконник и таял, не успевая стать белым.

Глава 4. Третья ночь

Третьего сна Юлия боялась так, как люди боятся не смерти, а диагноза, который наконец назовёт все прежние симптомы одним словом.

Вечером она убрала с кухни ракушку, фотографию, синее платье и распечатку письма. Не прятала, как раньше прятала неприятные вещи, а разложила на столе ровно, оставив между ними место. Платье сложила аккуратно. Фотографию положила лицом вверх. Письмо оставила раскрытым. Ракушку поставила на блюдце, чтобы песок не сыпался по столу. Получился не алтарь и не следственный набор, а честная выкладка того, что уже нельзя было объяснить усталостью.

Мать позвонила в девять. Юлия ответила.

— Ты где пропадала? — спросила мать с такой тревогой, что фраза вышла обвинением.

— У Надежды.

— У какой ещё Надежды?

— У женщины, которая помогает не перепутать знак с желанием.

Мать замолчала. Юлия почти услышала, как та подбирает правильную реакцию: испугаться, рассердиться, высмеять, потребовать адрес. В детстве мать умела входить в любую её комнату без стука, потому что считала тревогу правом. Потом, после развода и болезни отца, это право стало почти священным. Юлия долго принимала его как форму любви, хотя от такой любви иногда хотелось не жить, а только не волновать.

— Ты говоришь странные вещи, — сказала мать наконец.

— Да.

— Я боюсь за тебя.

— Я знаю.

— Ты можешь хотя бы объяснить?

Юлия посмотрела на синее платье. Потом на письмо. Потом на своё отражение в тёмном окне. В отражении она была не той женщиной с фотографии и не той, которая семь лет молчала. Просто собой, усталой, встревоженной, но уже не полностью спрятанной.

— Мам, я не могу объяснить так, чтобы тебе стало спокойно. И не хочу больше делать вид, что спокойствие - главная цель.

На другом конце провода мать резко вдохнула.

— Я тебе мешаю жить?

Раньше Юлия бросилась бы смягчать, переводить, спасать: “нет, ну что ты, я не это имела в виду”. Теперь она почувствовала старое движение и остановилась до того, как оно стало словами.

— Иногда да, — сказала она. — Но я тебе тоже позволяла мешать. Потому что так было проще, чем выбрать самой и отвечать самой.

Мать молчала долго. Юлия не заполняла паузу. В комнате было слышно, как за окном проехала машина по мокрой каше, как в батарее поднялся воздух, как где-то у соседей хлопнула форточка.

— Я просто не хотела, чтобы ты осталась одна, — сказала мать тихо.

— Я знаю. Но я всё равно осталась. Только ещё и с твоим страхом внутри.

Разговор не стал примирением. Мать заплакала почти бесшумно, потом сказала, что ей нужно лечь, и отключилась. Юлия сидела с телефоном в руке и не чувствовала победы. Было пусто, тяжело, но честно. Иногда возвращение своего пространства начиналось не с облегчения, а с того, что в нём вдруг становилось слышно, сколько чужих шагов там ходило.

Кирилл прислал фотографию кораблика в половине одиннадцатого. Деревянный, маленький, с облупленной синей краской, на подставке. Он нашёл его на блошином рынке возле Удельной, у женщины, которая сказала, что “его уже спрашивали”. На корме было выцарапано слово “Мотя”.

Юлия написала: “Не покупай”. Потом стёрла. Написала: “Купи, если хочешь сам”. Отправила. Это было маленькое предложение, почти сухое, но оно вдруг оказалось важнее всех больших разговоров. Она не запрещала. Не разрешала. Не переводила его выбор в свою безопасность.

Кирилл ответил через минуту: “Купил”.

Потом: “Мне страшно”.

Юлия написала: “Мне тоже”.

И на этом они остановились.

Она легла после полуночи. Перед сном открыла окно, хотя было холодно. Воздух вошёл в комнату с запахом снега, мокрого асфальта и далёких электричек. Синее платье лежало на стуле. Ракушка на блюде. Фотография на столе. Письмо рядом. Никакой защиты, никаких ритуалов. Только вещи на своих местах.

Сон начался с коридора.

Он был длиннее, чем прежде. Стены не имели цвета, свет шёл ниоткуда, пол был деревянный, старый, как в дачном доме, где доски помнят больше, чем люди. Справа тянуло горьким кофе. Слева шумело море. Средняя дверь была закрыта и на первый взгляд ничем не отличалась от стены. Ни ручки, ни щели, ни таблички. Просто место, где дверь могла бы быть, если бы кто-то перестал требовать от неё доказательств.

Юлия стояла босиком. Под ногами чувствовался холод. На левой руке белел шрам. В правой она держала письмо, хотя не брала его с собой. Впереди стоял человек.

Он был почти без лица, но не страшный. Скорее неоконченный, как фигура в старой фотографии, где свет съел черты, оставив только осанку. Высокий, в тёмном пальто, руки опущены. Юлия почему-то знала: если попросит, он покажет ей все три дороги. Не в виде картинок, а как жизнь. Правую - где она выбрала работу, безопасность, привычное одиночество и стала старше без резких потерь. Левую - где был Матвей, море, Кирилл, другие ссоры, другая усталость, другое счастье, не чище и не лучше, просто плотнее. Среднюю - неизвестную, потому что она ещё не сделала ничего, чтобы та стала дорогой.

— Ты думаешь, выбор исчезает, когда ты его не делаешь? — спросил человек.

Голос был не мужской и не женский. В нём звучали все голоса, которые она переводила за годы работы: официальные, личные, равнодушные, испуганные. И под ними - её собственный, ещё не привыкший говорить прямо.

— Нет, — сказала Юлия.

— Тогда зачем ты ходишь к тем, которые не исчезли, и просишь их стать твоей жизнью?

Она посмотрела направо. Там, за приоткрытой дверью, сидела женщина в квартире без чужих вещей. Аккуратная, работающая, спокойная, с хорошей подушкой под спиной и расписанием врачей на холодильнике. Одинокая, но не разрушенная. Жизнь, которую Юлия уже почти выбрала.

Слева мальчик бежал по берегу, Кирилл смеялся, женщина в синем платье несла термос, и ветер бил ей в лицо. Там было счастье, но не открытка. Там были бессонные ночи, деньги, страх, раздражение, мокрые варежки, разговоры на кухне, обида, что кто-то устал раньше. Там было много жизни, и от этого больнее.

— Я хочу знать, какая правильная, — сказала Юлия.

— Правильная для чего?

Она не ответила.

— Чтобы не жалеть? — спросил человек. — Чтобы не быть виноватой? Чтобы кто-то сказал: вот эта ветвь настоящая, остальные - ошибка?

Юлия сжала письмо. Бумага помялась, хрустнула.

— Я устала выбирать наугад.

— Ты не выбирала наугад. Ты часто не выбирала вообще. Это другое.

Фраза не ударила. Она просто легла на место, которое давно болело. Юлия вдруг увидела свои годы не как цепь чужих обстоятельств, а как ряд аккуратных остановок: вот она молчит с Кириллом, потому что разговор может всё изменить; вот остаётся на работе, потому что увольнение потребует не мечты, а действий; вот отвечает матери мягче, чем хочет, потому что её слёзы удобнее собственной вины; вот закрывает письмо, не отправив, и называет это бережностью.

Средняя дверь проступила. Сначала щелью света, потом тёмной ручкой. Никакого сияния. Обычная старая дверь с облупленной краской. На ней не было имени.

— Что там? — спросила Юлия.

— То, что начнётся после выбора.

— А если я ошибусь?

— Ошибёшься. Иногда. Это не отменяет дороги.

Слева ребёнок обернулся. Лицо всё ещё было размытым, но Юлия почувствовала, что он улыбается. Не зовёт. Не просит. Просто живёт там, где живёт. Справа женщина подняла чашку с кофе и тоже посмотрела на неё. В её взгляде не было упрёка. Только усталое знание: можно прожить и так. Можно прожить многое. Вопрос не в том, где меньше боли.

Юлия подошла к средней двери. Рука дрожала. Она обернулась к человеку без лица.

— Вы мой Наставник?

Он чуть склонил голову.

— Если тебе нужно имя для того, кто рядом, пусть будет так. Но имя не должно стать поводом ждать команды.

— Вы не скажете, открывать?

— Ты уже знаешь. Ты хочешь, чтобы я стал виноватым.

Эта фраза была чужой и знакомой одновременно. Как будто её уже слышал другой человек в другой книге, перед другим выбором, который ещё только будет. Мир не повторялся. Он рифмовался.

Юлия положила ладонь на ручку. Дверь оказалась тёплой. Не живой, не магической - нагретой человеческой рукой. Возможно, её собственной.

Она открыла.

За дверью была её комната. Та же квартира, тот же стол, окно, платье на стуле, ракушка на блюде. Только за столом сидела она сама и писала письмо. Не Кириллу. Себе.

“Я не знаю, какой могла быть моя жизнь. Я знаю только, что эта ещё не закончена”.

Юлия проснулась до рассвета. В комнате было холодно. Окно осталось приоткрытым. На столе лежал чистый лист бумаги, которого вечером не было. Рядом - ручка.

Она встала, закуталась в плед и села писать.

Не большое письмо. Не исповедь. Не обещание начать всё заново с понедельника. Она написала три вещи, которые собиралась сделать в ближайшие сутки: попросить отпуск и съездить в Петербург не за Кириллом и не за мальчиком, а за разговором с собой; отправить резюме в издательство, куда боялась написать два года; сказать матери, что приедет в воскресенье на два часа, а не на весь день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.